Из всех ночей именно Хэллоуин, как никакая другая ночь, был идеальным поводом позволить себе расслабиться и насладиться глотком пунша. Ванда пообещала себе, что выпьет только один бокальчик, ведь ей нужно было следить за многими вещами. Пьетро вернулся из мертвых, ее близнецы росли ускоренными темпами, а Вижн витал в облаках. Иногда ей казалось, что чем крепче она цепляется за Вествью, запирая его в альтернативной реальности, тем больше он ускользает от нее. Может быть, именно эти новые обстоятельства заставляли ее пить. Ей нужна была передышка.

Споткнувшись о входную дверь, Ванда с красным головным убором рухнула на диван. Бретельки алого цельного купальника сползли на ее кремовое правое плечо, и она легла на левый бок. Ноги в розовых чулках плюхнулись на диван. Одна перекинулась через спинку дивана, другая свесилась с его поверхности. Ее сапоги до колена все еще были застегнуты на ногах. Рубиново-красные губы приоткрыты, а ее милое и острое лицо совершенно спокойно воспринимало изменившийся мир вокруг. Она никогда не чувствовала себя такой умиротворенной, такой любимой семьей, и с удовлетворенным вздохом задремала.

Томми влетел в парадную дверь, как вихрь, его быстрые маленькие ножки пронесли его через весь дом, подпитываемые конфетами. Унаследовав способность от дяди, маленький скороход носился по ступенькам, как маниакальная колибри. Его серебристо-голубой костюм, также вдохновленный дядей, развевался на рукавах, как флаг, подхваченный ветром.

Брат-близнец Билли был самым осторожным и спокойным из них. Быстрым взмахом руки он закрыл за братом дверь, голубая магия защелкнула ее за ним. Он стянул с головы лазурную повязку, влажную от пота, и приготовился снять красный саван, чтобы приготовиться ко сну. Ночь была длинной, и, если честно, пришлось повозиться с гиперактивным братом. — Томми... - позвал он, проходя через дом. ...Я устал. Ты можешь остановиться?

Томми остановился, его кроссовки задымились под ним. — Как ты можешь устать? Мы только что съели половину наших сумок. Разве ты не хочешь остальное?

— Мама рассердится, — предупредил Билли, глядя, как его брат перепрыгивает с ноги на ногу, сгорая от энергии. — Она воспользуется своей властью и запретит тебе бегать целую неделю.

— Ну и что? Мы живем всего неделю, — Томми захихикал: — А мама ничего не может сделать. Она вырубилась на диване.

— Что?! — Билли отпихнул брата в сторону и побежал к дивану, где лежала его мать, не обращая внимания на происходящее. Ее руки лежали на животе, а ноги были широко раздвинуты. Билли провел рукой по шее матери, зная только, что так делают по телевизору, чтобы проверить, жив ли человек. Ее кожа была шелковистой и гладкой, но он не смог найти ничего, что могло бы обозначать пульс. — Может, позвать отца?

— Я думаю, она выпила слишком много взрослого сока. Ты же видел, как вела себя мисс Агнес, — Томми взъерошил темно-каштановые волосы брата, как знающий старец. — Ты поймешь, когда подрастешь.

— Мы близнецы, дурачок, — Билли отмахнулся от него рукой. Он подполз к матери: объемная грудь Ванды вздымалась и опускалась, когда она отходила от алкоголя. Из ее рта вытекала слюна, стекая по лицу. Она выглядела такой умиротворенной, и Билли погладил мать по щеке. Она промурлыкала, с удовольствием прильнув к его руке. — Может, мне ее разбудить?

— Нет! — Томми поспешил к брату. — Она заберет наши конфеты!

Братья спорили, продолжать ли им буйство Томми или вернуться в спальню и дождаться возвращения отца. Все это время их мать, находившаяся в бессознательном состоянии, была мертва для всего мира, пока вдруг не дернулась вверх. Они замерли, готовые обвинить друг друга в том, что нарушили ее покой, когда мышцы Ванды напряглись, и она потянулась всем телом. Грудь радостно подпрыгнула, ноги еще больше раздвинулись, а руки вытянулись высоко над головой, обнажив бритые подмышки и бледную плоть. Бретельки купальника сползли с плеч, и мясистый бюст едва не вывалился наружу. Мстительница застонала, чмокнула розовыми губами, глаза ее были по-прежнему плотно закрыты, и она снова погрузилась в дремоту. Ее движения, несмотря на непринужденность, были странно эротичны.

Близнецы уставились на лежачую перед ними женщину. Впервые они обратили внимание на ее

изгибы и стройную фигуру. Ее выдающееся декольте, которое раньше было скрыто, как какой-то грязный секрет, теперь обнажилось почти до сосков. Что-то пробуждалось в них обоих, хотя в одном больше, чем в другом. Томми, как обычно, первым отреагировал на это, погладив ладонями переднюю часть своих шорт, как неопытный детеныш царапает дерево. Он напрягся, почувствовав что-то другое, но приятное. Он снова потерся, и по телу пробежала дрожь.

Томми заставил себя убрать руку, проведя взглядом по груди матери и до ее прикрытого паха. Отойдя в сторону, он оставил нервничающего Билли позади, чтобы получше рассмотреть то, что находилось между ног Ванды. — Ты когда-нибудь задумывался, что там?

— Что? — невинно спросил Билли, хотя его взгляд притягивали эти изящные красные губы, впадинка между верхней и пухлой нижней.

— Как она выглядит там, внизу? — Томми уставился на то, что скрывалось под плотной и мягкой тканью купального костюма. Для мальчика это была неизведанная территория. — Мы знаем, как мы выгладим там. Пи-пи. Но откуда писает девочка?

— Ее пи-пи? — догадался Билли, — У мамы тоже есть, да?

— Оно у нее, должно быть, очень маленькое, — брат пролез между мамиными ногами и приподнялся на подушке, чтобы рассмотреть ее поближе. — Я не вижу ни шишки, ничего, — его маленькие пальчики перебирали длинные, обтянутые чулками ноги матери. Их гладкая и эластичная кожа обнимала плотную ткань. — Может быть, он спрятался внутри.

Оторвавшись от созерцания ее рта, Билли заметил, что его брат массирует нижние конечности Ванды. — Ты же не собираешься смотреть?

— Она видела наши, — ответил Томми, — и она не спрашивала разрешения. Почему мы должны?

http://tl.rulate.ru/book/3604/89329